

РЕЧЕВАЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Когнитивный аспект изучения терминов искусствоведения

Cognitive Aspect of the Art History Terms Study

DOI: 10.12737/article_58fdaa3b1c1d38.63756629

Получено: 04 февраля 2017 г. / Одобрено: 09 февраля 2017 г. / Опубликовано: 17 мая 2017 г.

А.П. Миньяр-Белоручева

Д-р филол. наук, профессор,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Россия, Москва,
e-mail: kafedra241@mail.ru

A.P. Minyar-Belouchcheva

Dr. Habil, Professor,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
e-mail: kafedra241@mail.ru

Аннотация

Язык искусствоведения и смена мировоззрений в течение веков находятся в прямой зависимости и обуславливают друг друга. Искусствоведение представляет собой единство теории искусства, истории и критики. Как и любая научная дисциплина, искусствоведение имеет свой предмет, объект и терминологию. Термины искусствоведения, способствующие созданию целостной картины развития искусства, насчитывают три этапа в своем исследовании, смена которых совпадает со сменой парадигм, что требует создания современных методов их изучения. При введении новой парадигмы изменяется не предмет исследования, а акценты, которые расставляют при его анализе, возводя в фокус научных интересов новые аспекты, ранее находившиеся вне сферы внимания ученых. Термины искусствоведения как создаются специально, так и развиваются из существующих лексических единиц. Когнитивный подход к изучению терминов искусствоведения позволяет рассматривать их как знаки, посредством которых происходит вербализация научных понятий и создается концептуальная модель мира искусства.

Ключевые слова: искусствоведение, термины, терминоведение, парадигмы, когнитивный, искусство, этапы, искусствоведческий дискурс, развитие.

Abstract

The language of Art History and the change of worldviews have always intertwined and determine each other. Art History is the entity unity of art theory, history and criticism. Art History as any academic discipline has its own subject, object and terminology. The terms of Art History, contributing to the creation of a coherent pattern of art development, have three stages in their study. The stages of the analysis of the subject-specific Art History terms coincide with the paradigm shift that requires the creation of modern research techniques. However, with its introduction the new paradigm does not change the subject of the study, but the facets of the analysis putting in the focus of academic interests new aspects that have previously been beyond the purview of scholars. The terms of Art History are either composed deliberately or develop from the lexical units of natural languages. A cognitive approach to the study of subject-specific Art History terms gives the possibility to take them as signs through which occurs the verbalization of academic concepts and creation a conceptual model of the world of art.

Keywords: art history, terms, terminology, paradigms, cognitive, art, stages, art discourse, development.

В рамках современной когнитивно-дискурсивной парадигмы язык, образующий единое целое с мышлением, воспринимается как основная когнитивная способность человека, проявляющаяся через дискурс. Дискурс — сложное, многоуровневое понятие, понимается по-разному. В широком смысле дискурс рассматривается как коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном темпорально-пространственном контексте. В узком смысле дискурс трактуется как вербальная составляющая — «текст» или его функциональная составляющая — «научный дискурс» [25], в рамках которого особое внимание уделяется изучению дискурса различных научных дисциплин. Многие ученые отмечают, что текст и дискурс составляют единое целое [26, с. 97–98; 27, с. 27].

Однако задолго до того, как текст стал восприниматься как неотъемлемая часть дискурса, он был предметом многочисленных научных исследований. В настоящее время в связи с возросшим интересом

к искусству особую актуальность приобретает проблема изучения научного искусствоведческого дискурса, т.е. совокупности тематически связанных искусствоведческих текстов, создающих единое концептуальное пространство. Искусство рассматривается как оттиск картины мира каждого народа, вербальный анализ которого позволяет создать языковую картину, характерную не только для носителей конкретного языка, но и для каждой исторической эпохи в отдельности. Язык искусства до сих пор остается самым сложным предметом исследования.

На вопрос, что такое язык, не существует однозначного ответа. Ф. де Соссюр рассматривал язык как систему знаков [20, с. 22]. Шопенгауэр воспринимал язык как «способ передачи мысли [23, с. 81] и как «нечто большее, чем системы передачи мыслей» [19, с. 195]. В. Гумбольдт, считая язык органом, образующим мысль [10, с. 75], сравнивал его с искусством, полагая, что «и то и другое стремится в чувственной форме изобразить невидимое. Если же язык не обнаруживает стремления подняться над действитель-

ностью в своей приверженности к отдельному и в своем повседневном функционировании, тогда свернутая картина всех предметов, а также всех их невидимых соединений, будет покоиться в его лоне» [10, с. 379].

О взаимодействии языка и искусства, ссылаясь на Ваккеродера, П. Флоренский написал следующее: «Творения великих мастеров не для того сделаны, чтобы их видел глаз; но чтобы мы, в оные вникнув усердною душою, ими и жили и дышали. Драгоценная картина не то же, что параграф из учебной книги, который я, извлеки зерно смысла с небольшим трудом, бросаю, как скорлупу ненужную; напротив, наслаждение изящными произведениями искусства длится бесконечно; мы думаем все глубже в них проникнуть, — они же все вновь возбуждают наши чувства, и нет такого дна, где душа их совершенно бы исчерпала. В них горит как будто неугасимый елей жизни.» То, что Ваккеродер отмечает в великих произведениях изобразительных искусств как свойство таких произведений, есть свойство великого слова, и картина или статуя разделяют его в качестве тоже слов нашего духа, запечатленных в твердом веществе слов жеста, жеста пальцев и руки, тогда как слово звуковое есть запечатление жеста голосовых органов и притом запечатление в воздухе. Картина и статуя принципиально суть слова [22], таким образом, соединяют визуальное и вербальное в единое целое.

Изначально связь изображения и слова была весьма тесной. Со временем она стала ослабевать, но вновь усилилась в середине XX в. с введением в массовое употребление и распространением визуальных технологий. В эпоху постмодернизма произведения искусства стали анализировать с точки зрения семиотических кодов, знаков и структур. Искусство как одна из форм общественного сознания является составной частью духовной культуры человечества, одним из способов освоения мира посредством художественно-образного воспроизведения действительности. В искусстве органически взаимосвязаны познание и оценка реальности, отражение и созидание, модель и знак.

Язык искусствоведа и смена мировоззрений в течение веков находятся в прямой зависимости и обуславливают друг друга. Язык искусствоведа отражает то, что происходило в области искусства на протяжении всей истории человечества. Искусство зародилось в глубокой древности, но к его анализу приступили гораздо позже, когда к произведениям искусства стали подходить критически. Для людей, живших в доисторические времена, первоначальные формы художественной деятельности — изображение зверей на стенах пещер, украшение орудий труда,

оружия, одежды — были одновременно магическим ритуалом и способом передачи информации об окружающем их мире, когда изображение предметов выполняло языковую задачу и было эквивалентно слову. Из этого можно заключить, что наскальные рисунки с их сложной символикой являются визуальным языком, который на дописьменном этапе развития человечества был одним из основных средств коммуникации, заполнив лакуну вербалики.

В настоящее время развитие пластических искусств изучает искусствоведение. Под искусствоведением понимают исторически сложившуюся систему изучения художественных способов осмысления мира, обладающую как общими, так и индивидуальными чертами. Наиболее отчетливо эта система проявляется на уровне лексики, функционирующей в пределах лексических полей, которые являются результатом вербализации мира. Система лексических полей создает языковую картину мира, занимающую ведущее место по отношению ко всем другим картинам мира. «С помощью лексических полей любой язык осуществляет моделирование мира в целом, поэтому их система предполагает родовидовую организацию лексических полей, изображающих в языке все сферы мира — физиосферу, биосферу, психику и культуру» [11, с. 35].

Однако ведущее место в лексическом составе языка науки отводится терминам, в которых категоризация мира знаний нашла свое наивысшее воплощение. В истории изучения терминологии было выделено три этапа, которые приходятся на XX в. [12]. Донаучный этап, длившийся не одно тысячелетие, подготовил почву для научного изучения терминов.

Первый научный этап изучения терминологии, охватывающий тридцатилетний период, длился с 1930-х до конца 1960-х гг. В это время закладывались основы изучения терминов, выводились их характеристики и свойства, создавались правила их употребления. В результате было установлено, что идеальный термин должен быть кратким, точным, однозначным, лишен синонимии, полисемии, омонимии [16]. Несмотря на то что эти характеристики отличались от тех, которыми обладал термин в реальной научной речи, им продолжали следовать, стремясь удержать термин в установленных для него рамках. Функционируя в строго фиксированных границах конкретной области знания, многие термины были многозначными, модальными, имели синонимы [6]. Это стремились объяснить законами развития внутренней формы живого слова, которым следовали термины в своих эволюционных преобразованиях как единицы, созданные на основе слов естественного языка. Данный период изучения терминов отмечен

стремлением выяснить их истинную природу. Усилия ученых были обращены на выявление основных характеристик, отличающих термин от общеупотребительного слова, считая, что термины — это слова в особой функции [7]. Потребовалось более полувек, чтобы пришло осознание того, что в зависимости от функционального стиля одно и то же слово может функционировать по-разному. На первом этапе термины изучались с позиций сравнительно-исторической парадигмы, которая, отказав языку в его посреднической миссии, превратила его в предмет специального исследования, существующего и развивающегося по своим законам, имеющего свою жизнь и историю. В эпоху системно-сопоставительной парадигмы отношение к термину как к чему-то застывшему было заложено в дефиниции самого понятия «термин» (лат. *terminus* — предел, граница) [18, с. 492]. Термин воспринимался как некий языковой предел, венчающий собой развитие лексической единицы. Отсюда стремление к ригоризованности термина, ограничению его функционирования до узких, строго фиксированных рамок.

Второй этап изучения терминов приходится на 1970—1980-е гг. Это был сложный период формирования терминоведения как самостоятельной дисциплины, проходивший на фоне смены парадигм, когда устоявшийся системно-структурный метод больше не приближал к истине, поскольку не мог объяснить сложные, многомерные процессы, происходившие в области терминов, а новая парадигма еще не оформилась. Подход к изучению языка, возникший в период постмодернизма, постулировал, что взаимодействие, существующее между языком и реальной действительностью, приведет к изменению жизни в лучшую сторону только посредством облагораживания и очищения языка. Максиме Р. Барта, гласившей, что изменить язык — значит изменить мир [3], не преминули последовать историки. Во имя «гармонии» в мире они отказались от старых исторических терминов и создали новые, таким образом, не только деформировав, но, по сути, переписав историю [24]. В это же время была предпринята попытка создания универсальной терминологической системы, которая осложнялась постоянным движением терминов — исчезновением одних и появлением других [9]. Это позволяет отнести терминологию к открытой нелинейной системе, которую сложно заключить в жесткие рамки стандартов.

В настоящее время наблюдается третий этап в изучении термина, также проходящий в контексте смены парадигм [14]. Системно-структурная парадигма, которой так и не нашлось замены, уступает место очередному этапу в развитии науки — когнитивно-синергетическому. В этот сложный период

развития науки, изучающей термины, необходимы современные модели их изучения. Смена парадигм происходит не мгновенно. Это довольно длительный процесс и, согласно П. Серию, «парадигмы не сменяют друг друга, но накладываются и сосуществуют в одно и то же время, игнорируя друг друга» [17, с. 52]. С этим сложно не согласиться, но, как правило, новая и уже существующая парадигмы не только не игнорируют друг друга, а активно взаимодействуют, дополняя и обогащая друг друга, поскольку наука отличается кумулятивностью. При введении новой парадигмы изменяется не предмет исследования, а акценты, которые расставляют при его анализе, возводя в фокус научных интересов новые аспекты, ранее находившиеся вне сферы внимания ученых. В том случае, если новая парадигма, не удовлетворяющая потребности развивающегося языка, устаревает или кажется недостаточной, ей на смену приходит еще одна парадигма.

Существует мнение, что каждый методологический сдвиг в парадигме, с позиций которой довольно продолжительный отрезок времени проводилось исследование, можно рассматривать как частный случай новой парадигмы, причем максимальный эффект достигается только при сопряжении традиционной и новой парадигм, когда между ними устанавливается полная гармония [2, с. 15–16]. Следует отметить, что подобный подход соблюдается и при исследовании терминов, так как наряду с новым подходом к изучению терминологии с позиций когнитивной лингвистики ее продолжают изучать с учетом особенностей традиционного системно-структурного подхода. Оба эти подхода имеют одну и ту же задачу — раскрытие механизмов извлечения, хранения и передачи знаний, воплощенных в терминах разных наук.

Анализ терминов с позиций когнитивной лингвистики и лингвосинергетики позволяет не только изучить готовый материал, но и рассмотреть динамику развития терминов, объяснить сложные когнитивные процессы, результаты которых проявляются на внешнем языковом уровне. Когнитивный подход, обозначивший место «человека в языке и языка в человеке» [4, с. 259], привел к существенным изменениям в изучении терминосистем, заменяя системно-структурный метод описания методом когнитивного моделирования.

Изучение терминологии с позиций когнитивной лингвистики и лингвосинергетики приводит к глубоким изменениям, проявляющимся в отказе от постулатов и установок, выработанных на раннем этапе их изучения, и рассмотрению терминов с новых, лишенных ограничений принципов. Когнитивная лингвистика исследует термины в реальной речевой действительности, которые находятся в постоянном

движении и развитии. Искусственно созданные границы терминосистем оказались размытыми. Термину позволили обладать всеми характеристиками, в которых ранее ему было отказано. Цель когнитивной терминологии заключается в создании «концептуальной модели научной картины мира» [5, с. 96], возникающей в ментальном пространстве ученого в результате его научной деятельности. Исходя из посыла, что в основе термина как единицы, именуемой понятие в пределах конкретной научной сферы, лежит система знаний о конкретной науке, когнитивная лингвистика рассматривает традиционные терминологические «наименования» как ограничительные обозначения понятий конкретной науки, формирующие определенные области знания.

Согласно когнитивной терминологии, терминологическое «наименование» должно отражать не только результаты процесса познания и конструирования «концептуальной модели научной картины мира», но его оценки и интерпретации, иметь вариативные воплощения в языковом «знаке описания одного и того же, как неотъемлемое свойство языка» [8]. Именно такой подход к термину, считают когнитологи, позволяет увидеть и поименовать разные свойства и особенности предмета или явления науки, нарушая, таким образом, десятилетиями выработанное стереотипное представление о нем как «вершине развития языка». В когнитивной терминологии термин воспринимается как основная единица хранения и передачи знаний. Постоянно находящийся в движении термин, «неподвижная подвижность», как его охарактеризовал П. Флоренский [21, с. 208], создает многоуровневые концептуальные структуры, образующие множество концептосфер, тематически обусловленных дискурсом.

Стремление понять посредством изучения языка процессы, происходящие в ментальном пространстве ученых при создании терминов, привело к развитию когнитивных направлений в терминологии, таких как когнитивная теория термина, когнитивно-информационная природа термина, когнитивно-фреймовый подход к термину, когнитивно-коммуникативный процесс развития языкового знака в дискурсе [1].

Когнитивный подход к изучению терминов искусствоведения позволяет рассматривать их как знаки, посредством которых происходит вербализация научных понятий и создается концептуальная модель мира искусства. Обширный временной период и разнообразная тематика дискурса искусствоведения нашли свое отражение в терминологической неоднородности искусствоведения.

Можно сказать, когнитивный подход к изучению терминов, в отличие от системно-структурного дескриптивного, является дескриптивным. В традици-

онной терминологии установлено, что «особая функция, в которой выступает слово в качестве термина, это — функция названия» [7, с. 5]. Своим названием термины сообщают о предмете мысли, его смысловых отношениях, вербализуя «общие понятия, категории, признаки (свойства) понятий, а также операции (отношения) в различных специальных сферах человеческих знаний и деятельности» [12, с. 50]. В когнитивной терминологии считается, что термины не только выполняют функцию названия, но, будучи когнитивной моделью и передавая информацию о предмете или явлении, конструируют знания людей, основу которых составляет концепт [15] как единица познания, используемая в процессе познавательной деятельности. Основная цель когнитивной терминологии заключается в изучении фрагментов развивающейся «концептуальной модели научной картины мира» в языке науки и искусства.

Когнитивный подход к изучению терминов искусствоведения позволяет рассматривать их как знаки, посредством которых происходит вербализация научных понятий и создается концептуальная модель мира искусства. Обширный временной период и разнообразная тематика дискурса искусствоведения нашли свое отражение в терминологической неоднородности искусствоведения.

Согласно существующему определению, искусствоведение изучает художественную культуру общества в целом, а также отдельные виды искусства, их отношение к действительности, закономерности развития, взаимосвязи с социальной жизнью и с различными явлениями культуры, всю совокупность вопросов формы и содержания произведений культуры. Среди отдельных видов искусства выделяются живопись, скульптура, архитектура, графика, декоративно-прикладное искусство. В научном искусствоведческом дискурсе, рассматривающем вопросы теории и истории искусства, а также художественной критики, существенную роль играют термины искусствоведения.

Несмотря на то что искусствоведение оформилось как наука со своим методом в начале XIX в., термины искусствоведения восходят к Ренессансу, эпохе формирования основных наук современности. В XVI–XVIII вв., наряду с великими творениями искусства, создавались научные трактаты, составившие ядро искусствоведения как науки. Это было время формирования понятийного аппарата и логического инструментария многих наук, в том числе и искусствоведения. Систематизированное изучение и описание произведений искусства способствовало появлению искусствоведения как науки и созданию терминов искусствоведения. Под терминами искусствоведения понимаются слова и словосочетания,

обозначающие понятия данной науки, входящие в ее систему.

В XIX–XX вв. наблюдается стремительное развитие искусствоведения. Многочисленные художественные школы и направления всех областей искусства требовали тщательного изучения и описания. Память о фундаментальных исследованиях немецких, французских и швейцарских исследователей сохранилась в созданных ими терминах, которые создавались «по мере осознания их необходимости» [7, с. 10]. Однако время создания лексической единицы и функционирования ее в качестве термина редко совпадает, как это наблюдается в термине *Vorticism*, созданном одновременно с обозначенным им направлением в живописи. Как правило, термины искусствоведения относятся к постфакторным, так как в разряд терминов они входят спустя некоторое время после появления направления или стиля в искусстве.

Все новое требует осмысления и времени для его вербализации. Так, слово *Renaissance* впервые было использовано Вазари в XVI в. при описании работ Боттичелли. Однако только по истечении трех веков оно стало использоваться в качестве термина. Иногда на осознание специфики художественного направления и его «ословления» уходят века. Так, термин *Mannerism* для обозначения стиля, пришедшего на

смену Ренессансу в XVI в., специфические черты которого были выявлены в начале XX в., был образован в 1923 г. Термин *Proto-Renaissance* («Проторенессанс»), обозначающий период с 1150 по 1400 г. в Северной Италии, где создавались произведения искусства, отличавшиеся от романского и готического стилей и являвшиеся, по сути, предшественника Ренессанса, обязан своим появлением швейцарскому историку искусства XIX в. Якобу Буркхардту.

Организация и систематизация знаний по теории и истории искусства способствовали изучению терминов искусствоведения, отражающих основные категории и понятия данной науки, посредством которых познается сущность искусства, поскольку вербализации подвергаются понятия и концепты, определяющие не только виды, роды, жанры искусства, но и различные исторические типы искусства — творческие методы, стили, течения, школы.

Термины искусствоведения относятся к единицам человеческой мысли, которые отражают особую форму концептуализации миропонимания и мировосприятия в его практически-духовном освоении. Термины и терминологическая лексика искусствоведения отличаются разнообразием, поскольку в искусствоведении представлены теория искусства, история и критика.

Литература

1. Алексеева Л.М. О тенденциях развития современного терминоведения [Текст] / Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова // Актуальные проблемы лингвистики и терминоведения: междунар. сб. науч. тр. — Екатеринбург, 2007. С. 8–11.
2. Алефиренко Н.Ф. Парадигмальные и непарадигмальные векторы современной лингвистики [Текст] / Н.Ф. Алефиренко // Грани научной лингвистики. Коллективная монография. — Запорожье: Классический частный университет, 2014. — С. 9–36.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика [Текст] / Р. Барт; пер. с франц., сост. Г.К. Косиков. — М.: Наука, 1989. — 616 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. — М.: Прогресс, 1974. — 448 с.
5. Борисова Т.Т. Термин как особая единица языка для специальных целей [Текст] / Т.Т. Борисова // Языки в современном мире. Материалы конференции. — М., 2004. — Т. 1. — С. 96.
6. Будагов Р.А. К вопросу о языковых стилях [Текст] / Р.А. Будагов // Вопросы языкознания. — 1959. — № 3. — С. 54–67.
7. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии [Текст] / Г.О. Винокур // Труды МИФЛИ. Сборник статей по языкознанию. — М., 1939. — Т. 5. — С. 3–54.
8. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие [Текст] / Е.И. Голованова. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 224 с.
9. Гринев С.В. Введение в терминоведение [Текст] / С.В. Гринев. — М.: Московский лицей, 1993. — 309 с.
10. Гумбольдт В. Язык и философия культуры [Текст] / В. Гумбольдт. — М.: Прогресс, 1984. — 452 с.
11. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания [Текст] / В.П. Даниленко. — М.: Наука, 1977. — 185 с.
12. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура [Текст] / В.М. Лейчик, Л. Бисекирска. — Белосток: Изд-во Белостокского ун-та, 1998. — 184 с.
13. Лейчик В.М. Essay on terminology // Rey A. Essays on Terminology. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1995. 223 p.
14. Миньяр-Белоручева А.П. Смена парадигм в истории и лингвистике [Текст] / А.П. Миньяр-Белоручева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». — 2014. — Т. 11. — № 1. — С. 12–17.
15. Миньяр-Белоручева А.П. Концепт в статике и динамике [Текст] / А.П. Миньяр-Белоручева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». — 2015. — Т. 12. — № 1. — С. 40–44.
16. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология? [Текст] / А.А. Реформатский. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — 14 с.
17. Сериио П. В поисках четвертой парадигмы [Текст] / П. Сериио // Философия языка: в границах и вне границ. — Харьков: Око, 1993. — С. 83–100.
18. Словарь иностранных слов [Текст]. — М.: Русский язык, 1988. — 608 с.
19. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи [Текст] / Э. Сепир. — М.: Прогресс, Универс, 1992. — 203 с.
20. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию [Текст] / Ф. де Соссюр. — М.: Прогресс, 1977. — 695 с.
21. Флоренский П.А. Имена: Сочинения [Текст] / П.А. Флоренский. — М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. — 912 с.

22. Флоренский П.А. У водоразделов мысли [Текст] / П.А. Флоренский. — Т. 2. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.catholic.uz/tl_files/library/books/Florenski_vodorazdel/page/
 23. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Собр. соч.: В 5 т. [Текст] / А. Шопенгауэр. — М.: Московский клуб, 1992. — Т. 1. — 394 с.
 24. Brown P. The World of Late Antiquity. New York-London: W.W. Norton&Company, 1971. 216 p.
 25. Dijk van T.A. Ideology and discourse. Barcelona: Pompeu Fabra University, 2003. 118 p.
 26. Fairclough N. Critical discourse analysis: the critical study of language / N. Fairclough. London: Longman Group Limited, 1995. 265 p.
 27. Kress G.R. Ideological Structures in Discourse // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 4. London: Academic Press, 1985. P. 27–41.
- References**
1. Alekseeva L.M., Mishlanova S.L. O tendentsiyakh razvitiya sovremennoy terminovedeniya [On the development of modern terminology]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i terminovedeniya* [Actual problems of linguistics and terminology]. Ekaterinburg, 2007, pp. 8–11.
 2. Alefirenko N.F. Paradigmal'nye i neparadigmal'nye vektory sovremennoy lingvistiki [Paradigmatic and non-paradigmatic vectors of modern linguistics]. *Grani nauchnoy lingvistiki* [The Facets of Scientific Linguistics]. Klassicheskiy chastnyy universitet Publ., 2014, pp. 9–36.
 3. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected works: Semiotics: Poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 616 p.
 4. Benveniste É. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974. 448 p.
 5. Borisova T.T. Termin kak osobaya edinitsa yazyka dlya spetsial'nykh tseley [The term as a Particular Unit of Language for Special Purposes]. *Yazyki v sovremennom mire* [Languages in the Modern World]. Moscow, 2004, v. 1, p. 96.
 6. Budagov R.A. K voprosu o yazykovykh stilyakh [To the issue on language styles]. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics]. 1959, i. 3, pp. 54–67.
 7. Vinokur G.O. O nekotorykh yavleniyakh slovoobrazovaniya v russkoy tekhnicheskoy terminologii [Some phenomena of word formation in the Russian technical terminology]. *Trudy MIFLI. Sbornik statey po yazykoznaniyu* [Proceedings of MIFLI. Collection of articles on linguistics]. Moscow, 1939, v. 5, pp. 3–54.
 8. Golovanova E.I. *Vvedenie v kognitivnoye terminovedenie* [Introduction to cognitive terminology]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2011. 224 p.
 9. Grinev S.V. *Vvedenie v terminovedenie* [Introduction to terminology]. Moscow, Moskovskiy Litsey Publ., 1993. 309 p.
 10. Humboldt von A. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [The language and philosophy of culture]. Moscow, Progress Publ., 1984. 452 p.
 11. Danilenko V.P. *Russkaya terminologiya. Opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian terminology. Experience of linguistic descriptions]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 185 p.
 12. Leychik V.M., Bisekirskaya L. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: subject, methods, structure]. Belostokskiy un-t Publ., 1998. 184 p.
 13. Leychik V.M. Essay on terminology // Rey A. *Essays on Terminology*. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1995. 223 p.
 14. Minyar-Beloucheva A.P. Smena paradigmy v istorii i lingvistike [Paradigm shift in history and linguistics]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of South Ural State University]. Chelyabinsk: YuUrGU Publ., 2014, v. 11, i. 1, pp. 12–17.
 15. Minyar-Beloucheva A.P. Kontsept v statike i dinamike [Concept in statics and dynamics]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of South Ural State University]. Chelyabinsk: YuUrGU Publ., 2015, v. 12, i. 1, pp. 40–44.
 16. Reformatskiy A.A. *Chto takoe termin i terminologiya?* [What is the term and terminology?]. Moscow, AN SSSR Publ., 1959. 14 p.
 17. Serio P. V poiskakh chetvertoy paradigmy [In search of the fourth paradigm]. *Filosofiya yazyka: v granitsakh i vne granits* [Philosophy of language: within and without borders]. Khar'kov: Oko Publ., 1993, pp. 83–100.
 18. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1988. 608 p.
 19. Sepir E. *Yazyk. Vvedenie v izuchenie rechi* [Language. An introduction to the study of speech]. Moscow, Progress Publ., 1992. 203 p.
 20. Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1977. 695 p.
 21. Florenskiy P.A. *Imena* [Names]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 1998. 912 p.
 22. Florenskiy P.A. *U vodorazdelov mysli* [At the watersheds of thought]. V. 2. Available at: http://www.catholic.uz/tl_files/library/books/Florenski_vodorazdel/page07/
 23. Schopenhauer A. *Mir kak volya i predstavlenie* [The World as Will and Representation]. Moscow, Moskovskiy Klub Publ., 1992, v. 1, 394 p.
 24. Brown P. The World of Late Antiquity / P. Brown. New York* London: W.W. Norton&Company, 1971. 216 p.
 25. Dijk van T.A. Ideology and discourse / T.A. van Dijk. Barcelona: Pompeu Fabra University, 2003. 118 p.
 26. Fairclough N. Critical discourse analysis: the critical study of language / N. Fairclough. London: Longman Group Limited, 1995. 265 p.
 27. Kress G.R. Ideological Structures in Discourse / G.R. Kress // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 4. London: Academic Press, 1985. P. 27–41.